

Горький — Сталину: публикуется впервые

Два письма Горького к Сталину, публикуемые ниже увидят свет впервые. Они наряду с другими, до селе неизвестными материалами поступили недавно в Архив А. М. Горького из президентского Архива и войдут в сбербанк, который готовит Горьковский сектор Института мировой литературы.

На сегодня известно 46 писем Горького к Сталину. Все они относятся к последним восьми годам (1929–1936) жизни писателя, хотя его знакомство с будущим адресатом состоялось еще на Лондонском (1907) Съезде РСДРП. Имена Горького и Сталина фигурировали в числе сотрудников легальной большевистской газеты «Наш путь» (1913). Но личные отношения складывались, по всей видимости, трудно. В октябре 1917 г. в статье «Окружили мя тельцы мнози тучны» («Рабочий путь» № 41) Сталин резко осудил выступление писателя (Горький «Нельзя молчать», «Новая жизнь», № 156, 18 октября 1917 г.), в котором содержалось требование к ЦК большевиков «опровергнуть слухи» о готовящемся восстании. Он предрек Горькому участь ренегата, отторгнутого революцией.

Последующие события сняли остроту былого конфликта, в идеологическом плане бывшие оппоненты стали как бы единовещниками, оказались на главных ролях в сферах (каждый в своей) государственного и культурного строительства Страны Советов. Возникшая между ними переписка — следствие объективной предопределенности, где менее всего играет роль личный интерес. Начиная с 1928 г., писатель приезжал из Италии на летнее время в СССР, а в 1933 г. окончательно вернулся на родину, где уже широко была развернута работа по воплощению в жизнь горьковских общественно-культурных замыслов.

Выстраиваясь по своей деловитости в один ряд письма Горького к Сталину обнаруживают перепад настроенности автора и могут быть поделены на две группы. Первая — письма 1929–1932 гг. Пожалуй, наиболее наглядное представление об этой группе

дает письмо Горького к Сталину от 29 ноября 1929 г. Оно полно уверенности в том, что могущественному адресату будет интересен широкий круг затронутых тем — от вопросов работы прессы, воспитания юношества, положения старой партийной интеллигенции до совета издать Библию с критическим комментарием богословов Тюбингенской школы. Сам стиль письма, в котором преобладают формы долженствования («необходимо обратить (...) внимание», «предлагаю вестить», «мы должны», «нужно знать отцов церкви» и др.) говорит о том, что Горький чувствует себя вправе нелицеприятно высказать вожде свою точку зрения на положение дел в стране. Тон и размахистость этого первого известного нам письма поддерживался между писателем и в последующих, но... не более двух-трех лет: в отношениях между писателем и вождем начался и исподволь шел процесс взаимного разочарования. Объяснение причин этого выходит за рамки краткой аннотации. Можно лишь заметить, что Сталину становилось ясно: из Горького не получается придворный одолонец, и взор его обращается на зарубежных почитателей. В начале 1934 г. «высочайший» заказ на книгу о вожде обрел нового исполнителя в лице французского писателя Анри Барбюса. Горький же, в свою очередь, не мог видеть, как пресловутая «железная воля» Сталина все больше оборачивается диктатурой против творческой личности, несвободой, небрежением к нуждам народных масс. Писатель расставался с иллюзией, с возлагавшимися на вождя надеждами. Сталин оказался слишком поглощен укреплением личной власти и борьбой с оппозицией, чтобы искренне заботиться о культуре.

Конечно же, отчуждение имело скрытый характер, внешне (в статьях и речах) все выглядело благопристойно, в рамках официальных условностей. Поэтому письма — едва ли не самый достоверный источник происходивших с писателем метаморфоз. Примерно с 1933 г. заметно сужается круг поднимаемых в обращениях Горького к Сталину вопросов, как

правило, речь идет об одной, от силы двух конкретных просьбах, по которым требуется «дать команду», принять меры и т. п.

Но сосредоточенность на одной проблеме вела к усилению критического заряда, о чем свидетельствует и сегодняшняя публикация. По ним видно, что в последние годы жизни Горький как бы аккумуляровал в себе критическую массу негативных наблюдений над действительностью. К нему обращались за помощью деятели культуры, сигналы бедствия доходили и от многочисленных корреспондентов с мест. Тот же Н. И. Накоряков свою докладную о плачевном состоянии полиграфической базы направлял не по инстанциям, а прежде всего Горькому; М. П. Томской, говоря о необходимости коренного переоборудования типографий, просил Горького о поддержке «при удобном случае и в любой удобной (...) форме». Большую тревогу у писателя вызывало положение молодежи. Если раньше Горький говорил об этом в общем плане, то теперь донимает Сталина конкретными фактами, указывает на социальное неравенство, которое привело к делению школьников на элитарную и бедную группу. Для писателя это — симптом неблагополучия в стране, вознамерившейся восстановить равенство.

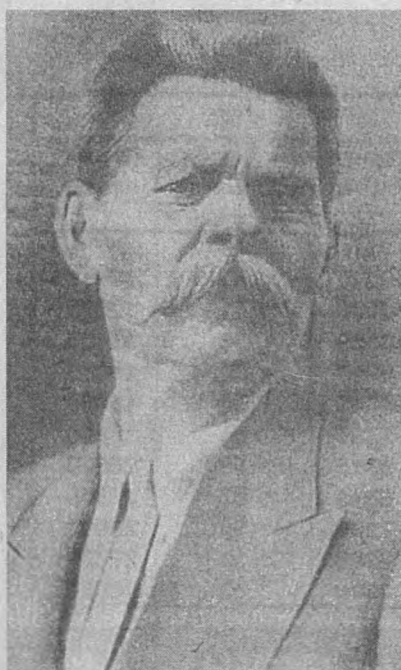
Прочтите эти два письма — как они перекликаются с днем сегодняшним!

Катастрофическая нехватка учебников, тонны макулатуры на прилавках уличных коробейников, переполненные детприемники, достигшая небывалых высот подростковая преступность, «элитные дети» — учащиеся в заграничных колледжах и «обыкновенные» — забывшие вкус апельсина и моющие на улицах ветровые стекла иномарок нынешних нуворишей.

Эти письма Горьким написаны шестьдесят лет назад. Кто подобные пишет Президенту сегодня?

Станислав ЗАЙКА,
доктор филологических наук.

Писатель

«Я никогда не чувствовал себя литератором»

Уважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович — обращаюсь к Вам как «пред» Союза писателей(2), тема обращения: необходимость борьбы с книжным голодом, с голодом, который все более широко и глубоко ощущается массой трудового народа не ощущался и который вызван к жизни работой большевиков.

Последние слова можно было бы оценить как комплимент только в том случае, если бы партия, возбудив жажду знания, прилагала должные усилия для удовлетворения этой жажды. Но этого — нет и с каждым годом спрос на книгу все более превращает предложение.

Иллюстрации из области личных наблюдений, далеко не всегда убедительны, но, когда этих наблюдений много, и они все растут — объективная их ценность становится неоспоримой. О книжном голоде мне пишут отовсюду и все чаще обращаются с прямыми требованиями: пришлите книг. Насколько возможно П. П. Крючков (3) удовлетворяет эти требования, но, разумеется, это — меньше чем одна капля дождя на площадь гектар объемом. Некоторые корреспонденты уже смотрят на меня, как на магазин и присылают деньги, так, например, недавно прислали 1400 руб. из Новосибирска. Это похоже на анекдот, но это объясняется прилагательной мной копией письма из Хабаровска(4). Хабаровск — далеко, но и Сталинград получает книги в таком же количестве: Шолохов — Делина — 15 экз.; Новиков — Цусима — 20 и т. д. Ростов-Дон: «Бруски» — 30, «Капитальный ремонт» — 10, Авдеенко — 15; Киев — «День второй» Эренбурга — 22 экз., Горький — доклад на съезде(5) — 100. Из этой сотни — 60 — бронируется для ЦК, 30 — для крупных библиотек области, для миллионного населения города остается 10. А для области? И так везде. При этом надо учесть, что книги не продаются, а расходятся по рукам ответ. работников. И затем нужно принять во внимание, что в провинцию идет — по преимуществу — литературный хлам, «халтурная» книга, которую стыдно продавать крупных центрах. Это ведет к тому, что провинция сама начинает издавать сборники произведений туземных авторов, в огромном большинстве случаев — малограмотных и бездарных. За текущий год издано не менее четырех десятков таких сборников, что является — в лучшем случае — бесплодной тратой бумаги, которой у нас так мало. Затем это ведет к тому, что из подвалов, из чуланов, с чердаков появляется и читается старинная литература, например: «Черноземные поля» — скверный роман Курского помещика Евгения Маркова, буржественные и сентиментальные стишки слепца Ивана Козлова, пошлые книжки Лейкина и прочее в этом духе. Таким образом молодой наш читатель мешает круглую соль современности с патокой прошлого, а это, наверное, плохо отзывается на здоровье его разума. Прибавьте к этому, что у нас нет марксистской истории литературы и нет влиятельной толковой критики, — нет даже необходимостей, правильно ориентирующей читателя в деле познания мира через отражение его в художественном слове.

Дорогой Иосиф Виссарионович — надо бы принять немедленно серьезнейшие меры к удовлетворению жажды знания, пробужденной в массах. Что делается в этом направлении? Прилагаемое «Предложение» т. Накорякова и письмо старого полиграфиста И. Галактионова рисуют весьма печальную картину, но еще более мрачно освещает дело тов. Томский(6). Томский беседовал с Вами — в январе прошлого года — по этим вопросам, и Вы тогда предложили т. Л. М. Кагановичу «поддержать» заявки т. Томского. Они сводились в основном к отпуску 4 1/2 млн. рублей лимитов на капитальное строительство — не денег, деньги есть, а право их расходовать — и импорта на 500

тыс. руб. самых необходимых машин, которые, во-первых, увеличили бы уже в 1935 г. мощность этих предприятий на 300–400 млн. листов оттисков и послужили бы образцом для нашего чрезвычайно отсталого полиграфмашиностроения.

По словам Томского, вместо испрашиваемых 500 тыс. рублей валюты Наркомвнешторг намерен отпустить что-то не то 44, не то 140 тыс. руб., что, конечно, ни в какой степени сколько-нибудь значительно не сможет увеличить нашу пропускную способность. У нас есть 3 недурных завода полиграфмашиностроения — Микса Гельца в Ленинграде, т. Ягоды в Рыбинске и Саратовский завод. Однако это дело находится в Наркомтяжпроме на 20-м месте. Заводы загружаются посторонней экстренной продукцией и дают жалкие крохи в сравнении с тем, что нужно.

За последние годы, благодаря тому, что полиграфия была на последнем месте, мы растеряли кадры квалифицированных рабочих, что новые рабочие учатся на металлиста, электрика и шофер, но не хотят идти в плохо оплачиваемую полиграфию, отдельную профессию, в которой требуют длительной выучки, что у нас нет настоящих, квалифицированных инженеров от полиграфии, все это указывает на тяжелое положение, в котором находится наша полиграфическая промышленность.

Если Вы прибавите к этому, что у полиграфии нет хозяина, который бы заботился о ее развитии и процветании, что нечто подобное, существовавшее в Наркомлегпроме упразднено, а вместо него ничего не создано, что необходимым материальными «мелочами» (химикалии, камни, металлы и т. д. и т. п.) мы снабжаемся явно недостаточно и отвратительного качества, то картина для вас будет ясна, хотя и не полная.

Вот какова картина и вот какие меры намечаются т. т. Накоряковым и Томским для раскраски этой картины более светлыми и живыми тонами. Я — не хозяйственник и не могу входить в оценку мер, предлагаемых ими. Возможно, что и вообще мое вмешательство будет признано неуместным. Но я никогда не чувствовал себя только литератором, производителем рукописей, я с первых шагов работы в литературе привык считать и чувствовать всю ее целиком — моим личным делом. Именно поэтому как для издателей, так и для многих литераторов я был — и остаюсь — фигурой весьма одиозной. Говоря это, я не жалею и не хвастаюсь, а только объясняю мое право вмешиваться в дело строительства советской литературы. Съезд литераторов даже при крайне плохой его организации показал ее значение в Союзе и в Европе и показал какие высокие, строгие требования предъявляет к литераторам пролетариат Союза, как жадно он хочет иметь книгу. У нас на 1935-й год составлен такой план: 300 миллионов оттисков, т. е. приблизительно — на 30 миллионов книг, это — при наличии верной сотни миллионов читателей. Из двух тысяч членов Союза в 1935 г. только 1100 по плану ГИХЛа получат возможность издать свои книжки. На большее не хватает бумаги. А в тоже время книготорговцы утверждают, что магазины и склады забиты технической и сельскохозяйственной книгой, спрос на которую падает.

Разумеется, будет очень хорошо, если в число 200 литераторов, обобщенным планом, будут включены поставщики халтурного мусора, но — это вовсе не гарантируется групповыми интересами, которые все еще живы.

В заключении скажу, что следовало бы установить такой порядок, при которой наиболее яркие и художественно значительные советские книги всегда были на рынке вместе с классиками.

Затем я убедительно прошу Вас ускорить отвод второй половины помещенных по Ленинградскому шоссе для Всесоюзного института экспериментальной медицины. Затягивается внешняя организация этого важнейшего учреждения Сталинской власти.

Будьте здоровы! Сердечно поздравляю Вас с XIII праздником Октября.

Р. С. Очень хотелось бы, чтоб Вы ознакомились с

маленькой книжкой Д. Мирского об английской интеллигенции. В ней есть характеристики: Уэллса, — очень правильная на мой взгляд, — Б. Шоу, Кэйса, Пассэна и др. Если бы Вы одобрили эту книжку и взгляды автора, я попытался бы уговорить его дать нам Историю английской литературы, которую он прекрасно знает.

Сердечно жму руку.

Примечания

1. Предположительно письмо написано в конце октября — начале ноября 1934 г. из Тессели.
2. 2 сентября 1934 г. на первом пленуме Союза советских писателей М. Горький был избран председателем Президиума.
3. Петр Петрович Крючков (1889–1938) — секретарь М. Горького.
4. Среди приложенных материалов — письмо об остром книжном голоде работника книжторга Ермакова из Хабаровска от 11/X-34 г. и полиграфиста Галактионова от 25/X-34 г.
5. Доклад М. Горького «О советской литературе» прочитан 17 августа 1934 г. на I съезде советских писателей.
6. К письму приложена докладная записка директора Гослитиздата Н. И. Накорякова и копия письма М. Н. Томского к М. Горькому от 27/X-34 г.
7. Замысел не был осуществлен. В 1937 г. Д. Мирский (1890–1939) был репрессирован.

«Дети раскалываются на каких-то «аристократов» и плебеев»

Мне кажется, что у нас обращают внимания на детей гораздо меньше, чем следовало бы, а между тем, в их среде разрастаются явления крайне вредные, социально недопустимые. Я говорю о хулиганстве. Указания на рост хулиганства идут уже не только со стороны родителей, но и непосредственно от детей. 15-ти-летний школьник в письме ко мне сообщает акты хулиганства в шести школах Москвы: травля нацменов, особенно — евреев, драки и ранения, воровство. Мне пришлось этим летом соприкасаться с ребятами — так сказать — высокого качества и они, на вопрос: а хулиганы есть у вас? — смущенно отвечают: да, есть! Фактов хулиганства я знаю очень много. Вот, напр., в Севастополе имеется 13-летний парнишка, прозванный Махно, видимо очень искусный организатор, чрезвычайно влиятельный среди детей. Несколько десятков раз его приводили в милицию, в угрозыск, ГПУ и за эти «приводы» его банда была стекла в окнах учреждений. Один т. спросил, почему он хулиганит? Махно ответил: скучно. Вероятно, это мальчик дурной наследственности, конечно, он не один таков, и, разумеется, такого рода типа следует ставить в условия строжайшей изоляции. Но — они вращаются среди ребятшек, разлагая их, увеличивая армию хулиганов. Весьма часто отмечается, что командующие роли среди хулиганов играют дети партийцев и даже ответственных работников. Отцы и матери, загруженные общественной работой, не имеют времени влиять на ребят, они предоставлены самим себе и делают все, что хотят. Из них вырабатываются «Жоржики», 16-18-летние парни, шеголи с подстриженными бровями, устроители скандалов в «Парке культуры и отдыха». Директор Парка т. Глан, рассказывала мне, что после того, как «Жоржики» обидели старого рабочего, партизана, большевика — он заплясал и сказал: «неужели мы для этих негодяев кровь проливали, на них работали» не ради случая, когда родители партийцы просят принять сыновей в одну из коммун ГПУ.

В школах замечается деление детей на две группы: дети ответ. работников и ра-

бочих. Первые — одеты получше, почище, вторые — беднее. Первые хвастаются друг перед другом автомобилями и пайками отцов, вторые спрашивают матерей и отцов: «Мама, почему ты не покупаешь апельсины? Почему у нас нет бонн на Торсин? Зачем ты мне, мама, вяжешь шапочки — купила бы готовую, они — лучше.» Таким образом в обществе, которое строится как бесклассовое, дети раскалываются на каких-то «аристократов» и плебеев.

Мне сообщили, что в трех городах Крыма: Севастополе, Евпато-

рии, Симферополе, детишки ответ. работников были замечены в краже у отцов сначала папирос, затем револьверов и документов. Оказывалось, что они делали это будучи терроризованными некими подростками, а в дальнейшем открыто было, что за подростками стоят уже взрослые, какая-то мелкая контрреволюционная сволочь. Воспитать из детей партийцев — шпионов за отцами! их идея — подлая, но, впрочем, не глупая.

Я мог бы привести еще десяток и два фактов такого и подобного рода, — фактов, которые указывают на опасность, грозящую родине со стороны неожиданной. Я не «паникер», но нахожу, что мы обманываемся, видя пред собою отборно даровитых ребят и забывая о сотнях тысяч ребятшек, живущих в медвежьих уляках и в темных щелях провинции, среди мешанства, которое еще не сдохло.

Иван Макарьев, редактор Сталинградской газеты, обратил внимание на несколько случаев самоубийств среди детей одной средней школы. Исследуя этот факт, он нашел, что преподаватель русского языка, бывший белый, подобрал литературу так, чтоб внушать ученикам безрадостное, безнадежное отношение к жизни и, так сказать, отравлял их.

Отсюда вполне логичен переход к положению учителей. Кадры педагогов низшей и средней школы у нас не культурны, малограмотны, даже невежественны. Молодежь идет в учителя по-неволе, а не по охоте. Даже, когда роль учителя предлагается в порядке партийной дисциплины — люди все-таки стремятся избежать этой работы, как стремились бы избежать наказания.

Мне думается, что в интересах детей, т. е. в интересах роста силы партии, сов. власти и всего Союза следовало бы незамедлительно улучшить материальное и культурное положение учителей.

Увеличить тиражи учебников. Создать специальную типографию, которая работала бы исключительно на школы. (С типографиями у нас — год от года — все уже идет дело. Вот уже более месяца не может напечатать 52 тысячи «Колхозники»(1). Организовать издание хрестоматии для внешкольного чтения по истории развития воззрений: геологических, астрономических, биологических, по истории, физике, химии и различных искусства: литературы, музыки, живописи. Создать в Москве большой детский театр, — это идея тт. Молотова и Кагановича; создать такие же театры в крупнейших областях, центрах. Проверить состав вожатых пионер. — отрядов, усилить грамотность вожатых, путем бесед с ними о смысле пионерства, о роли детей в нашей стране, о методах социального воспитания пионеров. Как можно больше увлекать детей в занятия физкультурой, дать им аппаратуру для всех игр, какими увлекаются взрослые, т. е. изготвить мячи для футбола, волей и бейсбола, тенниса и т. д. Предложить кино создать для детей специальные фильмы по истории культуры, хотя бы в основных моментах ее развития.

Это, разумеется, не все, что надобно сделать, но — необходимо сделать хотя бы половину намеченного. Замечательно отношение к детям т. Павла Постышева(2), какой он хороший человек!

Желаю Вам доброго здоровья, хорошего настроения.

19/X-34 г.

Примечания

1. Журнал, созданный по инициативе М. Горького и издававшийся под его редакцией. Видимо, речь идет о первом номере, вышедшем в сентябре 1934 г.
2. П. П. Постышев (1887–1939) — в то время секретарь ЦК КП (б) Украины. В черновом наброске письма Горький рассказывал, как накануне 1 мая в Харьков Постышев устроил для ребят «отдельную трибуну и этим заставил их понять, что они — граждане, заслуживающие такого же внимания власти, как и все граждане».

Москва. Тушинский аэродром. В центре: Горький, Ворошилов, Сталин (1929 год).